

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЁН ДО СЕРЕДИНЫ XIX в.

П.С. Игнаткин

К вопросу о дипломатических методах конструирования образа Сибири в Русском государстве в конце XVI – начале XVII в. *

Первые десятилетия присоединения Западной Сибири к Русскому государству в конце XVI – начале XVII в., послужившие прологом к дальнейшему освоению русскими обширнейших территорий Северной Азии, были, вероятно, самым важным периодом в продвижении границ России «встреч солнцу», что прекрасно осознавалось правительством. Политическая обстановка, связанная с освоением новой территории, носила напряженный характер. Завоевание казаками Сибирского ханства в 1582 г. и окончательный разгром хана Кучума на берегах р. Ирмень в Верхнем Приобье в 1598 г. не полностью обезопасили положение Московского государства в данном регионе. Сохранялся ещё целый ряд дестабилизирующих факторов. В данное время, как и на протяжении XVII в., на территорию и население Урало-Сибирского региона предъявляли претензии потомки Кучума – кучумовичи, а местные аборигенные племена часто поднимали антирусские восстания. В конце XVI – начале XVII в. притязания на освоение Сибири в связи с поиском кратчайшего пути из Европы в Индию и Китай демонстрировали также западноевропейские державы, главным образом Англия и Голландия. Все эти обстоятельства должны были заставить Москву использовать различные способы закрепления за собой покоренных территорий. Изучение историографии, а также делопроизводственных источников конца XVI – начала XVII в. обратило наше внимание на изощренные дипломатические методы, использовавшиеся в Московском государстве для репрезентации Западной Сибири и проводимой в ней политики по отношению к соседним странам и народам. Идеологические способы закрепления прав России на территорию Западной Сибири содержатся в царских наказах, памятях, статейных списках русских послов, отправлявшихся в Англию, Германию, Персию, Речь Посполитую, а также в некоторых других видах источников. Несмотря на то, что формулы ответов, выработывавшихся в Посольском приказе на ожидавшиеся вопросы от международных дипломатов о положении дел в Сибири и сама риторика русских дипломатов занимают в данных источниках небольшое место (примерно от одного абзаца до одной страницы), они содержат очень ценную информацию, хотя и отличающуюся трафаретностью изложения.

Исследователи давно обратили внимание на то, что «идеологическое» освоение Сибири началось задолго до того, как она вошла в состав Русского государства. В разработке данной темы наиболее крупные заслуги принадлежат А.А. Преображенскому,

Игнаткин Павел Сергеевич, аспирант Новосибирского государственного университета.
Эл. почта: ignatkin-87@mail.ru

* *Статья подготовлена при поддержке Минобрнауки РФ в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг., государственный контракт № П364 от 07.05.2010.*

который в своей монографии изучил процесс присоединения Западной Сибири, опираясь на русские дипломатические документы второй половины XVI – начала XVII в. Исследователь пришел к выводу о том, что сибирский компонент, появившийся в титулах русских правителей в конце XV – начале XVI в., отражал притязания Москвы на территорию Западной Сибири. По его мнению, о попытках обосновать законность и основательность русского присутствия в Зауралье также свидетельствует то, что к концу XVI в. в Русском государстве сформировалась дипломатическая традиция представлять мировому сообществу Западную Сибирь, как территорию, вошедшую в состав России ещё в конце XV в., как «исконную» данницу и «вотчину» Москвы. При этом разгром хана Кучума казаками Ермака выдавался за борьбу со старым мятежником. Об этом свидетельствует и стремление царского правительства подчеркнуть государственное начало в покорении Сибири, нивелировав в данном процессе роль казаков ¹.

Изучение данной темы получило дальнейшее продолжение, и к настоящему времени в историографии имеется ряд исследований, в которых проанализированы политические и идеологические факторы, влиявшие на появление и изменение сибирского компонента в титулатуре русских правителей конца XV–XVII в. ² Под таким же углом зрения исследуются и другие символы сибирского царства (гербы, печати, царские короны), репрезентировавшие Сибирь как составную часть России ³. Однако, многие аспекты проблемы остаются совершенно неисследованными. В задачи статьи входит выявление только некоторых из них. В этом плане представляется любопытным акцентировать внимание на том, что в дипломатических документах постоянно присутствовали отсылки на значительно завышенные успехи русской колонизации Западной Сибири в конце XVI – начале XVII в. и мощное градостроительство в регионе (факт уже отмеченный А.А. Преображенским, но оставшийся неизученным). Также небезынтересны частые указания дипломатов на обширность и отдаленность Сибири.

В наказе 1584 г. Л. Новосильцеву, возглавившему посольство, отправленное к германскому императору Рудольфу II чётко проговаривалось то, что он должен отвечать в том случае, если немецкие дипломаты у него «нечто спросят про Сибирь» ⁴. Результаты русского освоения сибирского «царства», всего лишь несколько лет назад завоеванного казаками, должны были предстать в выгодном для Москвы свете. Поскольку от имперских дипломатов ожидали вопрос о географических и природных характеристиках Сибири, а также о её населении («а нечто спросят, сколь велика

¹ Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII в. М., 1972. С. 44–55.

² См., к примеру: *Каштанов С.М.* Сибирский компонент в титулатуре московских государей XVI–XVII вв. // *Общественное сознание населения России по отечественным нарративным источникам XVI–XX вв.* Новосибирск, 2006. С. 3–21; *Зуев А.С.* Российское государство и народы Сибири: характер и этапы взаимоотношений во второй половине XVI – начале XX в.: учеб. пособие. Новосибирск, 2011. С. 53–55.

³ *Пчелов Е.В.* Символы сибирского царства // *Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки.* 2009. № 4 (66). С. 13–22.

⁴ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Ч. 1. Сношения с государствами европейскими. Т. 1. Памятники дипломатических сношений с Империей Римской (С 1488 по 1594 г.). СПб., 1851. Стб. 922.

Обь река и сколько по ней городов?»), послу предписывалось отвечать, что «Обь река, ширина ей верст с пятьдесят, а городов по ней с семьдесят». Учитывая то, что русские на протяжении нескольких веков были знакомы именно с Нижней Обью, ширина реки в пятьдесят «верст» не должна вызывать недоумения. Возможно здесь могла идти речь об устье Оби и заливе Карского моря – Обской губе, ширина которой колеблется от 30 до 90 км. В таком случае это известие было вполне правдоподобным, что нельзя сказать о невероятном количестве городов. В своей дипломатической речи Л. Новосильцев уточнил, что эти города были возведены по инициативе царя¹. О существовании почти семидесяти обских городов заявили также русские послы в Швеции, делегированные туда в 1585 г.² Однако в 1584–1585 гг. такое или близкое количество городов в Приобье отсутствовало, а первый русский город (не считая временного Обского городка, возведенного в 1585 г.) – Тюмень – был основан в 1586 г. Учитывая эти реальные факты, можно предположить, что целью таких ответов являлось стремление создать у немецких дипломатов представление о Сибири как законной составной части Русского государства и подчеркнуть успехи ее колонизации.

В ответе посла Г.Б. Васильчикова, отправленного в Персию в 1588 г. отмечалось, что в Сибири «многие города поставили»³. Однако к этому времени к Тюмени добавился только Тобольск, возведенный в 1587 г. Уникальное известие обнаруживается в наказе 1595 г. откомандированному в Персию послу В.В. Тюфякину, в котором ему предписывалось отвечать в случае вопроса о строительстве в Сибири «больше двадцати» новых и о наличии «до двусот» старых городов⁴. Такое же количество городов фигурирует в наказе князю А.Ф. Жировому-Засекину, который в 1601 г. вёл переговоры в Персии: «а поставили в сибирской земле больше дватцати городов, а старых городов во всей сибирской земле до двусот»⁵. В переговорах с поляками в 1607 и 1615 г. русским послам следовало указать, что «города многие» в «Сибирской земле» «поставлены»⁶. Учитывая то, что к началу XVII в. в Сибири было возведено около полутора десятков городов и крепостей, отсылки на двадцать городов более правдоподобны, но известие о существовании двухсот укрепленных населенных пунктов, причем ещё «старых», явно завышено. Скорее всего, создание и трансляция образа эффективной русской политики в Сибири были призваны продемонстрировать мировым державам основательность русского присутствия в Зауралье с целью закрепления прав на данную территорию.

Согласно источникам, в задачи русских дипломатов также входило сообщать иностранцам о высокой численности населения Сибири в случае возникновения у них во-

¹ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Ч. 1. Сношения с государствами европейскими. Т. 1. Памятники дипломатических сношений с Империей Римской (С 1488 по 1594 г.). СПб., 1851. Стб. 939.

² Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII в. М., 1972. С. 48.

³ Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией: В 3-х тт. Т. 1. Царствование Федора Иоанновича. СПб., 1890. С. 94.

⁴ Там же. С. 364.

⁵ Там же. Т. 2. Царствование Бориса Годунова, Василия Шуйского и начало царствования Михаила Федоровича. СПб., 1892. С. 51.

⁶ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. 4. 1598–1608 гг. М., 1912. С. 417; Там же. Т. 5. 1609–1615 гг. М., 1913. С. 526.

просов о данном регионе. Об этом свидетельствует наказ 1597 г. М.С. Туренину, ведшему переговоры с немецким послом: «и ныне в Сибири живут государевы воеводы и люди многие...»¹, а также указы откомандированным в Персию Ф.И. Леонтьеву (1616 г.) и М.П. Барятинскому (1618 г.), в которых читаем, что в Сибири «многие [...] государевы города и люди в них многие ратные государевы устроены и жилецкие торговые люди, и пашни многие...»².

Внушить почтение и вызвать ощущение всемогущества и могущества московского царя у представителей других стран должны были часто повторяемые указания русских дипломатов на обширность и отдаленность Сибири. Так, посол М.И. Вельяминов в своей ответной речи в Германии в 1596 г. сообщил, что от Москвы до Западной Сибири «болши пяти тысяч верст»³. Очевидно, это является преувеличением, так как расстояние от Москвы до Тобольска составляет около 2,5 тыс. километров. Данный факт свидетельствует либо о незнании послом действительного расстояния до Сибири, либо, что также не исключено, о его намеренном завышении для внушения иностранцам удивления и почтения перед царем. Г.И. Микулину в 1600 г. в Англии следовало указать, что «сибирские земли» простираются «на две тысячи верст по Обь реку великую и по Китайское государство»⁴. В наказе 1613 г. С.М. Ушакову, отбывшему в Германию вменялось в обязанность в случае соответствующего вопроса упомянуть о протяжении Сибири по Оби на пять тысяч «верст» «по Китайское государство»⁵. Неточное определение размеров территории Западной Сибири (пять или две тысячи «верст») может объясняться недостаточной изученностью русскими данного региона к началу XVII в. Однако, указание на пограничное положение Сибири с Китаем не является случайным. Учитывая то, что в реальности общая граница с данной державой в начале века отсутствовала (она начала оформляться только с середины XVII в. в Забайкалье и в Приамурье) «помещение» Китая рядом с Сибирью можно объяснить обобщением и упрощением географической информации, либо, что, тоже вероятно, желанием «сблизить» владения русского царя со сказочным и богатым Китаем. И, тем самым показать европейцам как обширность русских владений, так и значительный потенциал экономических и политических возможностей Москвы в данном регионе, а также, возможно, этим фактом и закрепить свои права на ожидаемую в перспективе торговлю с Китаем.

¹ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Ч. 1. Сношения с государствами европейскими. Т. 2. Памятники дипломатических сношений с Империей Римской (С 1594 по 1621 г.). СПб., 1852. Стб. 466.

² Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией: В 3-х тт. Т. 3. Царствование Михаила Федоровича (продолжение). СПб., 1898. С. 226, 352.

³ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Ч. 1. Сношения с государствами европейскими. Т. 2. Памятники дипломатических сношений с Империей Римской (С 1594 по 1621 г.). СПб., 1851. Стб. 292.

⁴ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англией. Т. 2 (С 1581 по 1604 г.) СПб., 1883. С. 297.

⁵ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Ч. 1. Сношения с государствами европейскими. Т. 2. Памятники дипломатических сношений с Империей Римской (С 1594 по 1621 г.). СПб., 1851. Стб. 989.

Подводя итог, отметим, что выявленный нами в дипломатических документах ряд фактов, серьезно преувеличивавших успехи русской колонизации Западной Сибири в конце XVI – начале XVII в. и подчеркивавших преобладающую роль государства в этом процессе, а также обширность региона, свидетельствует об особой роли информационных средств в формировании «нужного» имиджа Сибири и о подаче материала о ней в выгодном для России свете. Выскажем предположение, что намеренное искажение и приукрашивание информации о Сибири (существование 70 или 200 городов; большая «людность» региона, соседство с Китаем) и акцент на подлинных фактах, способных вызвать почтение и уважение (чрезвычайная обширность и отдаленность Сибири от центра страны) были призваны выполнить несколько задач: продемонстрировать и обосновать мировому сообществу права на новообретенное «Сибирское государство», чем идеологически закрепить русское присутствие на данной территории и обезопасить себя от возможных конкурентов в процессе колонизации Северной Азии и предотвратить возможность внешней угрозы для данного региона. С наибольшей остротой данные задачи стояли перед государством в конце XVI – начале XVII в. Не следует снимать со счетов также и цель возвеличивания в мировой политике престижа русского царя. Прделанная работа осветила лишь небольшую часть аспектов данной темы, в целом остающейся ещё слабо затронутой вниманием исследователей. Тем не менее, приведенный в статье материал несколько приподнимает завесу над дипломатическими и информационными методами, использовавшимися московскими политиками в указанный период.